

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Отмычка
от разбитого
сердца

ЭКСМО

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Отмычка от разбитого сердца

«ЭКСМО»

2013

Александрова Н. Н.

Отмычка от разбитого сердца / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2013 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-699-69023-7

Санитары в шутку называли шестую палату в психиатрической клинике «овощным» отделом. Как овощи, здесь лежали хронические пациенты, способные только мирно смотреть в потолок или тихонько бурчать себе под нос. Никаких проблем с ними не было, от большинства из них давно отказались все родственники и знакомые. Потому таким неожиданным потрясением стала для главного врача лечебницы новость – сбежал один из пациентов, более пяти лет пролежавший в палате. Перед побегом он задушил молодого санитаря. Второго санитаря, присматривающего за психически больными из шестой палаты, находят убитым в пригородной электричке. Причем никто, кроме сыщицы-любительницы Надежды Лебедевой, не догадывается связать эти убийства с нашумевшим делом о Выборгском маньяке, о котором уже более пяти лет ничего не было слышно... Книга также издавалась под названием «Тайна чертова камня».

ISBN 978-5-699-69023-7

© Александрова Н. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Наталья Александрова

Отмычка от разбитого сердца

Анатолий бросил взгляд на белый кружок часов на стене. Четвертый час ночи, самое скверное время. Сил нет бороться со сном, а до утра, когда их сменят, еще так далеко...

В этот час густой влажный мрак особенно тяжело нависает над больницей, в этот час чаще всего начинаются припадки у тяжелых пациентов. Да и умирают больные чаще, чем в другое время.

Чтобы разогнать сон, чтобы рассеять тяжелую, мрачную предрассветную тоску, Анатолий решил приколоться над своим младшим напарником.

– Слышь, Славик, – окликнул он того, – у Светки со второго отделения с доктором Монаховым любовь.

– Что? – Тот всполошился, отбросил учебник, вытаращил глазищи. – Что ты врешь?

Студент, блин. Каждую свободную минутку книжку читает. Выучится, будет доктор, начальство... не приколешься над ним. Но пока ты никто, пустое место, младший санитар...

– Зачем мне врать, – Анатолий гаденько усмехнулся. – Я, может, сам их видел... как они заперлись в ординаторской... как ты думаешь, студент, чем они там занимались?

– Врешь ты! – Славик захлебнулся от возмущения. – Света – она не такая! Она не будет как все... мы с ней...

– Ну да, не такая! – передразнил его Анатолий. – Баба, она и есть баба... ей только одно и нужно...

Ему вдруг стало скучно, не захотелось продолжать. Да и прикол получился какой-то неинтересный, неприкольный.

Вдруг в дальнем конце коридора послышался крик – испуганный, мучительный, надрывный.

Так и есть – у какого-то хроника начался припадок.

– Пойди вот, посмотри, что там случилось... кажись, в «овощном» кричали...

«Овощным отделом» они называли шестую палату, где лежали тяжелые хроники – безразличные ко всему, ни на что не реагирующие, как овощи на грядке. Некоторые из них время от времени тупо мычали, начинали вдруг бессвязно, бессмысленно лопотать или горячо бубнить, как засорившийся унитаз, другие по месяцу не издавали ни звука.

– Сам иди... – обиженно пробормотал Славик, но уже поднялся и побрел по темному коридору, едва освещенному горящими через одну дежурными лампами.

– Не такая! – проговорил вслед ему Анатолий. – Все они такие...

Он потянулся к оставленной студентом книжке, прочитал название на обложке – «Клиническая психиатрия», сразу заскучал пуще прежнего и отложил.

Дверь шестой палаты негромко скрипнула, и снова наступила тишина.

Завтра получка, подумал почему-то Анатолий.

Он помассировал виски, широко зевнул, взглянул на свои часы.

На них было столько же времени, что и на настенных.

Время словно остановилось.

Может, приколоться – позвонить Милке? Ответит ее муж, злой будет спросонок, а Анатолий его спросит таким спокойным голосом:

– Это зоопарк? Можно попросить северного оленя? Такого рогатого?

Однако, что это студент так долго не возвращается? Заснул он там, что ли? Или сам «овощем» сделался?

Шутки шутками, но Анатолий всерьез забеспокоился. Больно уж нехорошее время – четвертый час ночи.

Он поднялся, встряхнулся, как собака после купания, чтобы сбросить остатки сна, и зашагал к шестой палате.

Дверь палаты скрипнула.

Анатолий вошел внутрь, огляделся.

Вокруг раздавалось только сонное, неровное дыхание больных да скрип кроватей. На потолке рисовали странные картины отсветы уличных фонарей.

– Студент! – негромко окликнул Анатолий напарника. – Студент, ты чего? Ты куда пропал?

Может, он давно вышел из палаты и отправился в сортир? Да нет, Анатолий заметил бы его...

А может, он решил сам в отместку приколоться над Анатолием, спрятался в углу и сейчас выскочит?

– Студент, не валяй дурака! – проговорил Анатолий чуть громче. – Пошутил я насчет Светки... не было у нее ничего с Монаховым...

В душе у него шевельнулся крошечный червячок страха.

Вдруг на койке возле окна что-то шевельнулось, и раздался глухой, неразборчивый звук.

Анатолий шагнул туда, увидел Сапогова, тихого хроника, который лежал в этой палате уже седьмой год. Сапогов трясся мелкой дрожью, лицо его показалось Анатолию белым как мел. Впрочем, в палате было так темно, что трудно быть в чем-то уверенным.

– Гу! – промычал хроник, выпростав из-под одеяла левую руку. – Гу-гу!

– Да чего ты гогочешь, как гусь! – разозлился Анатолий. – Не можешь сказать ничего, так молчи!

Хроник зажал левой рукой рот, словно боясь сказать что-то лишнее. Но в то же мгновение из-под одеяла выбралась, как самостоятельное живое существо, его правая рука, указывая на что-то за спиной у старшего санитара.

– Гу-гу! – мучительно выговорил он и снова зажал непослушный рот рукой.

– Ну что там... – пробормотал санитар и повернулся в ту сторону, куда указывала правая рука Сапогова.

Свет из окна упал на соседнюю койку, и выдавший виды санитар едва не закричал, как нервная барышня.

На этой койке лежал Славик.

Мертвые глаза студента неотрывно смотрели в потолок, лицо его безобразно посинело, изо рта вывалился огромный темный язык.

– Матерь божья! – с трудом выговорил Анатолий, медленно отступая. – Задушили! Кто ж его?

Он бросил взгляд на Сапогова, но эта мысль была несуразной: несчастный хроник явно сам помирал от страха.

Да и потом... в шестой палате не было пустых мест, значит, если Славик лежит на этой койке... куда тогда делся тот больной, что лежал здесь до него?

Санитар попытался вспомнить, кто лежал на этой койке, но перед его глазами вставало только какое-то расплывчатое, неопределенное, неразборчивое лицо.

Да, собственно, неважно, как он выглядит! Важно, что он сейчас где-то прячется...

Анатолий стремглав выскочил из палаты, кинулся на пост и поднял тревогу.

Только сначала он забежал в сортир и склонился над унитазом – от увиденного в палате его мучительно вырвало.

Через полчаса отделение оживилось. Почти все дежурные врачи и санитары сновали по нему в поисках пропавшего больного. Начальник смены доктор Зароев распорядился полицию не вызывать, пока не найдут виновника трагедии.

– Деваться ему некуда, – проговорил красавчик-доктор, – за полчаса мы его найдем, тогда уж и вызовем полицию!

Анатолий тоже обходил помещение за помещением, но делал это словно в полусне: перед его глазами все стояло синее, распухшее лицо Славика.

«Отучился, бедолага! – думал санитар, открывая дверь бельевого. – Вот ведь... думал, выучится, доктором станет...»

Он обвел бельевую пустым, безразличным взглядом...

И вдруг увидел, как шевельнулась простыня, которой была накрыта хромированная каталка.

Еще не понимая, что это значит, он приподнял край простыни...

На него уставились два немигающих, горящих мрачным огнем глаза.

– Только пикни, – прошептал притаившийся под каталкой человек.

– Это... ты студента придушил? – проговорил Анатолий, справившись с перехватившим горло спазмом.

– Догадливый! – осклабился убийца. – И тебя придушу, если зашумишь!

Теперь Анатолий вспомнил его: этот больной поступил к ним пять лет назад с последствиями тяжелой операции на мозге. Чудом выжил, но ни на что не реагировал, круглые сутки лежал, тупо глядя перед собой и пуская пузыри. Типичный «овощ», самый тот контингент для шестой палаты.

Правда, в последнее время Анатолию пару раз казалось, что в глазах этого «овоща» мелькала какая-то осмысленная искра, но доктора на осмотрах не находили никаких улучшений, а докторам лучше знать, на то они и доктора. Так что Анатолий помалкивал.

– Ты – придушишь? – Санитар оценивающе взглянул на «больного» – когда-то он, безусловно, был сильным человеком, но пять лет болезни и неподвижности сделали свое дело, в то время как сам Анатолий на здоровье не жаловался – в санитары на психиатрическое хилых не берут.

Но он вспомнил, как тот придушил Славика – студент и пикнуть не успел... оценил мрачный блеск глаз... нет, это не пустая угроза! Этот придушит, как цыпленка!

– Не успеешь, – Анатолий прикинул расстояние до двери, напрягся. – Я закричу, через минуту здесь толпа будет. Вся больница сейчас у нас на отделении...

– А может, успею? – Убийца тоже напрягся, приготовился к прыжку.

– Ну что – играть будем? Кто кого? – Анатолий облизнул пересохшие губы.

– А может, лучше договоримся? – Глаза убийцы заблестели. – У меня деньги есть... большие деньги...

– Ну да, – Анатолий усмехнулся, но слегка расслабился – разговор о деньгах его больше устраивал, чем разговор о смерти. – Ну да, у нас на отделении один себя Биллом Гейтсом считает, я, говорит, самый богатый человек в мире... а еще один псих объявил себя Ходорковским, требует, чтобы ему разрешили варежки шить...

– Я не сумасшедший, – проговорил скорчившийся человек. – У меня были проблемы с головой, но я выздоровел. И у меня действительно есть большие деньги. Только их еще нужно взять. И здесь мне понадобится твоя помощь.

– Ты за кого меня принимаешь? – Анатолий на полшага приблизился, не теряя бдительности. – Что я, по-твоему, законченный псих?

– Наоборот, – скорченный человек взглянул на санитаря неожиданно острым, пронизательным взглядом. – Ты мужик умный, толковый... знаешь, чего хочешь. С другим бы я и разговаривать не стал. Ты вот лучше послушай, что я расскажу... только вот что, – он досадливо поморщился, – вылезу я отсюда, неудобно так, согнувшись...

Он выбрался из-под каталки, растер затекшие суставы, потянулся.

Анатолий снова поразился силе, которой дышала фигура этого человека, и на всякий случай отступил к двери.

– Боишься? – тот усмехнулся кривой волчьей усмешкой. – Это хорошо... значит, не обманешь...

Анатолий выслушал совершенно неправдоподобную историю, рассказанную ему бывшим «овощем», полчаса назад убившим его напарника, – и неожиданно поверил в нее. Пове-рил, что его жизнь может внезапно, чудесным образом измениться. Станет он не санитаром в психушке, выносящим горшки за дебилами, а богатым, свободным человеком... Никто не будет на него орать и выговаривать за несвежее белье и неухоженных пациентов «овощного отдела», никто не будет гонять его по мелким поручениям...

Анатолий нервно сглотнул и пригляделся к своему собеседнику.

Все это похоже на правду... вот только нельзя и на минуту верить этому человеку. Он убил Славика – так же убьет и его, Анатолия...

– Никому нельзя верить, – проговорил тот, будто прочел мысли, – ни другу, ни брату, ни жене. Самому себе – и то в самом крайнем случае. Только одному человеку можно...

– Это кому же? – недоверчиво спросил санитар.

– Тому, у кого те же интересы, что у тебя. Тому, кому ты нужен. Сейчас ты мне нужен, а я – тебе. Значит, мы с тобой можем друг другу верить.

– А потом...

– А потом будет суп с котом! Сейчас ты меня отсюда выведешь. Сможешь?

– Отчего не смочь? – Анатолий огляделся. – Конечно, смогу. Полезаю на эту каталку...

– Видеть ее не могу... – пробормотал «овощ», но послушно вскарабкался на металличе-скую каталку, вытянулся на ней, как покойник. Анатолий завалил его стопками грязного белья, оглядел со стороны, остался доволен и выкатил в коридор.

Навстречу ему попался Мишка Лямкин с четвертого этажа. Не давая ему раскрыть рта, Анатолий выпалил:

– Ну, чего – нашли того гада?

– Какое там! – Лямкин безнадежно махнул рукой. – Верно, давно уж в город выбрался... надо полицию звать, а Зароев трясется – в его дежурство такое ЧП...

Лямкин снова махнул рукой и побрел дальше по коридору, не задав естественный вопрос – куда это Анатолий в четыре часа утра, в разгар суматохи, везет тележку с грязным бельем...

Анатолий подкатил тележку к лифту, спустился в цокольный этаж, проехал мимо дрем-лющего охранника. Тот приоткрыл один глаз, узнал знакомого и заснул снова.

Выкатив тележку через незапертые двери, Анатолий огляделся. На улице не было ни души.

– Ну, вылезай, пассажир! – проговорил он вполголоса. – Дальше своими ногами пойдешь! «Овощ» раздвинул грязное белье, прыгнул с каталки.

– В таком виде? Да меня первый же полицейский остановит! Нет уж, взялся помогать – помогай!

– Ладно, пойдем!

Анатолий оставил тележку, прошел через больничный двор к стоянке, на которой среди машин персонала стояла его ржавая «пятерка».

– Залезай! – скомандовал он, открыв дверцу. – Пару часов здесь подождешь, только согнись, чтобы тебя никто не заметил. Я сменюсь и отвезу тебя в безопасное место.

Он запер машину, вернулся на отделение и принял самое деятельное участие в поисках сбежавшего больного.

Наконец доктор Зароев вызвал полицию и сообщил о сбежавшем пациенте. Про убитого санитаря он пока велел помалкивать. Персонал дружно пожал плечами – доктору виднее.

С Анатолием, как с почти очевидцем происшествия, поговорил невыспавшийся толстый майор. Анатолий рассказал все честно – до того момента, как вошел в бельевую. Майор повздыхал, посетовал, что их так поздно вызвали, и позвал следующего санитаря.

А там и смена подошла. Пришлось в очередной раз рассказать сменщику ночную историю, выслушать от него сочувственные вздохи, и только тогда Анатолий вышел из здания больницы.

«Пятерка» стояла на месте.

И на заднем сиденье скорчился страшный пассажир.

Анатолий сел за руль, выехал за ворота больницы, переехал железнодорожные пути и только тогда повернулся к своему попутчику:

– Все, можешь не прятаться. Здесь за нами уже никто не следит.

Впрочем, в этом он ошибался.

От самой больницы за его «пятеркой» незаметно следовала темная машина.

Надежда Николаевна протолкалась к выходу из вагона, с трудом выбралась на перрон, увернулась от здоровенного дядьки, который чуть не втолкнул ее обратно в вагон, пробилась к пересадочному эскалатору и на несколько секунд перевела дыхание.

Все-таки ездить в метро в час пик – удовольствие ниже среднего. Если бы не неотложная забота, ни в жизнь бы не поехала!

Казалось бы, возмущенно думала Надежда, в прошлом году она уволилась с работы, вернее, их всех уволили по сокращению штатов. И муж Надежды Сан Саныч, вместо того, чтобы утешить жену, неприлично этому факту обрадовался. Оказывается, в душе он давно уже лелеял мысль, чтобы Надежда ушла с работы и посвятила все свое время только ему и коту Бейсику.

Муж утверждал, что он – человек скромный и нетребовательный, что полностью соответствовало действительности, и вовсе не собирается делать из Надежды замотанную домашнюю хозяйку. Пока он на работе, она будет много гулять на свежем воздухе и заниматься своей внешностью и здоровьем – чем плохо? Скрепя сердце, Надежда согласилась – выбора все равно не было. Если Сан Саныч что-то решил – сдвинуть его с этого решения было невозможно. И вот только она записалась в бассейн и сходила несколько раз к массажисту и косметологу, как все друзья и знакомые пронюхали про ее увольнение и посчитали, что теперь Надежда имеет достаточно времени, чтобы заняться их делами.

Сразу же обнаружили бесчисленные старушки, которым необходимо отвезти: синюю лампу, баночку очень полезного варенья из морошки, найденное пенсионное удостоверение, забытого в поезде кота и так далее (как они раньше жили, хотелось бы знать...).

По чужим квартирам Надежда дожидалась прихода сантехников, электриков и паркетчиков и вообще полностью проконтролировала четыре с половиной ремонта (в последнем случае пришлось прерваться, потому что у хозяев кончились деньги).

Чужих детей она водила к стоматологам, к репетиторам, а акула в океанариуме стала ей просто как родная, потому что за полтора года Надежда встречалась с ней не меньше восьми раз.

Она поливала чужие цветы и возила чужих хомячков к ветеринару, встречала на вокзале поезд, проводник которого должен был привезти чужой теще старинную люстру с погнутыми рожками, и делала еще много других чужих дел...

И еще приходилось скрывать все от мужа – он-то, наивный человек, верил, что жена его ведет здоровый образ жизни и бережет себя. Действительно, от такой беготни Надежда похудела, и это ей шло. Некоторые подруги начали интересоваться, на какой диете она сидит, на что Надежда уклончиво отвечала, что на диете нужно не сидеть, а бегать. Но оставшегося от чужих дел времени ей хватало только на то, чтобы кое-как распахать по квартире вещи и приготовить обед.

Вот и сейчас Надежда с привычным раздражением подумала, что ее ожидает куча дел и вечером еще нужно делать вид, что она прекрасно отдохнула, пока мужа не было дома.

Впереди Надежды стоял на ступеньке эскалатора сутулый мужчина с венчиком черных волос вокруг аккуратной круглой лысины. Ему тоже было тяжело в переполненном метро – он то и дело вздыхал и беспокойно оглядывался по сторонам.

Рядом с Надеждой Николаевной стояла худощавая женщина лет сорока в бежевой курточке и бейсболке. Она стояла как-то боком, одной ногой на нижней ступеньке. Надежда подумала, что той неудобно стоять, и слегка посторонилась, освобождая ступеньку, но женщина сделала вид, что не заметила ее любезность, и осталась на прежнем месте. Даже немножко сдвинулась в ту же сторону, что Надежда, отчего ей стало еще неудобнее.

Надежда Николаевна пожала плечами и тут же забыла про нее.

Она шагнула с эскалатора на верхний перрон, устремилась вперед вместе с толпой, которая тут же внесла ее в открытые двери подошедшего поезда. Рядом с ней мелькнула знакомая бейсболка, но Надежде не было до нее никакого дела. На следующей остановке ей нужно было снова пересаживаться, и она принялась протискиваться к дверям.

Поезд остановился, Надежду опять вынесло на перрон, она спустилась по лестнице и нырнула в длинный коридор очередного перехода. Прямо перед ней мелькнула лысина в обрамлении черного венчика волос. В двух шагах вслед за мужчиной двигалась та странная женщина с эскалатора, только бейсболки на ней уже не было.

И не только бейсболки.

Вместо однотонной бежевой куртки на ней была теперь другая, клетчатая...

Надежда Николаевна удивленно заморгала.

Женщина была та же самая, никаких сомнений, но куртка... да нет, что за странности! Когда это она успела переодеться?

Надежда немного прибавила шагу, подошла к незнакомке почти вплотную, скосила глаза на воротник куртки. Он был бежевый.

Выходит, эта куртка двухсторонняя, одна сторона у нее бежевая, а другая клетчатая... бывают такие куртки, которые можно для разнообразия выворачивать наизнанку, но зачем это делать в переполненном метро? Кроме того, женщина в двухсторонней куртке двигалась как-то странно, словно пряталась за спинами идущих впереди людей...

Коридор закончился, людской поток разделился на два ручейка – кто налево, кто направо. Надежде нужно было свернуть направо, к перрону, но она по непонятной причине направилась налево, к эскалатору. Только секундой позже она поняла, что последовала за мужчиной с лысиной и странной женщиной, которая преследовала его по пятам.

А эта женщина снова сменила внешность.

На этот раз она вовсе сняла свою хитрую курточку и спрятала ее в пластиковый пакет. Теперь на ней была ярко-оранжевая футболка. Кроме того, она надела темные очки, что в метро показалось Надежде уж совершенно лишним.

А самое главное – Надежда чувствовала характерное покалывание в корнях волос. Это покалывание никогда ее не обманывало. Оно могло значить только одно: Надежда Николаевна столкнулась с каким-то криминалом. Именно поэтому она свернула не туда, куда собиралась. Именно поэтому следила за странной женщиной. Та наверняка вынашивала какой-то преступный замысел. И жертвой этого замысла наверняка был мужчина с круглой лысиной...

Муж Надежды Сан Саныч сотни раз повторял своей жене, чтобы она держала свою интуицию под контролем и никогда не вмешивалась в чужие дела. Даже если они кажутся ей преступными. Потому что когда-нибудь это неумеренное любопытство плохо для нее кончится.

И Надежда много раз обещала это мужу.

Но одно дело – обещать, и совсем другое – сдерживать свои обещания... скажите, кому под силу преодолеть врожденные, глубоко зажатые инстинкты?

Кроме того, как Надежда будет чувствовать себя, если потом с этим мужчиной что-нибудь случится? Ее до конца жизни будут мучить угрызения совести!

Надежда Николаевна прибавила шагу, поравнялась с лысым мужчиной и окликнула его:
– Молодой человек!

Он никак не отреагировал на этот оклик. Должно быть, давно уже не относил себя к категории молодых людей. В общем, он действительно был уже не слишком молод. Но как еще в нашей стране обращаться к незнакомому мужчине? Слово «господин» как-то не прижилось, да и смешно называть господином человека, стиснутого толпой в переполненном метро, «сударь» несколько не лучше, к тому же отдает какой-то комедией из купеческой жизни, «гражданин» – это уже из репертуара полиции или прокуратуры, еще испугаешь человека, вот и приходится называть дядьку пенсионного возраста молодым человеком...

Долго раздумывать было некогда, и Надежда выбрала самый простой вариант:

– Мужчина!

На этот раз лысый незнакомец оглянулся и удивленно уставился на Надежду Николаевну.

– Мужчина! – повторила она. – За вами...

Она хотела сказать, что за ним следят, что ему угрожает опасность, но не успела. Ее внезапно схватили за руку, и визгливый женский голос завопил:

– Держите воровку! Она у меня кошелек украла! Полиция! Полиция!

Надежда изумленно оглянулась и увидела ту самую подозрительную женщину в двухсторонней куртке, точнее, уже не в куртке, а в оранжевой футболке. Черные очки она сняла, и Надежда разглядела ее глаза – хитрые, злые, маленькие глазки блекло-голубого цвета.

– Помогите! – вопила незнакомка, намертво вцепившись в Надеждину руку. – Что же это творится! Трудящемуся человеку в метро проехать нельзя! Я на тебя управу найду!

В голосе незнакомки звучали истерические нотки, но глаза ее при этом были совершенно спокойны и насмешливы. На мгновение отвернувшись от Надежды, женщина бросила взгляд в сторону, словно посылая кому-то сигнал. Надежда проследила за ее взглядом и увидела, как невысокий смуглый мужчина переглянулся с вопящей теткой, чуть заметно кивнул и быстро зашагал за лысым...

«Она передала его напарнику!» – поняла Надежда, и на душе у нее стало совсем уныло.

А к ним сквозь толпу уже протискивался толстый мрачный полицейский с сержантскими погонами.

– Товарищ сержант! – вопила женщина, не выпуская Надежду и бросая на нее злорадные взгляды. – Вот она ко мне в карман влезла! Кошелек вытащила! Арестуйте ее...

Надежда Николаевна отвернулась от лысого, которому все равно уже ничем не могла помочь, и попыталась вырвать руку. До нее наконец дошло, что она сама влипла в очередные неприятности.

Люди обтекали их, как река обтекает торчащую из воды корягу. Всем было некогда, все куда-то торопились, только несколько человек притормозили и с любопытством следили за происходящим. Видимо, им было некуда спешить.

– В чем дело? – важно осведомился полицейский, протолкавшись к месту происшествия и оглядев обеих женщин.

– Я вам говорю, – затарахтела подозрительная тетка, – она у меня кошелек вытащила! Уже хотела убежать, но я ее за руку схватила! Что же это творится! В метро проехать нельзя...

– Глупости какие! – раздраженно перебила ее Надежда. – Это она следила за мужчиной... наверное, хотела его обворовать или что-нибудь еще похуже...

– Я все видел! – подал голос из толпы высокий представительный старик с палкой. – Эта, которая в красном, залезла в карман к той, которая в горошек...

Надежда Николаевна свободной рукой поправила нарядную кофточку в крупный горошек и почувствовала себя увереннее. Свидетель был на ее стороне.

– Это не я к ней, это она ко мне залезла! – перебила старика незнакомка. – Вы не видели, так не говорите... а еще старый человек!

– Я все видел! – обиделся старик. – У меня зрение сто процентов, я в прошлом стрелок военизированной охраны, а инвалидность у меня совсем по другому вопросу, не по тому, что вы думаете!

– Граждане, лишних прошу не скапливаться! – пробасил сержант. – Не препятствовать движению пассажиров! А вы, гражданки, пройдемте со мной в опорный пункт, там разберемся! – И он ловко подхватил обеих женщин за локти.

– Куда? – переспросила Надежда, вяло сопротивляясь.

– Куда надо! – злоратно прошипела незнакомка и добавила так, чтобы не расслышал полицейский: – Не будешь следующий раз в чужие дела нос совать!

Полицейский подтащил обеих женщин к железной двери с надписью «Опорный пункт полиции» и втолкнул их в тесное душное помещение. Закрыв за собой дверь, он вытер со лба пот клетчатым платком, плюхнулся на металлический стул и проговорил, буравя обеих участниц инцидента мрачным взглядом.

– Ну?! – проговорил он, когда тишина сгустилась до состояния крутого дрожжевого теста. Надежда вспомнила, что обещала мужу испечь пирожки с картошкой, и настроение у нее еще больше испортилось.

– Вот эта женщина, – начала Надежда как можно внушительнее, – она следила за одним мужчиной. Шла за ним следом. И все время переодевалась. Сначала была в бежевой куртке, потом в клетчатой, а затем уже в этой футболке...

Ей самой эти слова показались не слишком убедительными. Она решила добавить к своим показаниям какой-нибудь достоверный штрих и проговорила:

– Тот мужчина был лысый.

Полицейский снял фуражку и оказался совершенно лысым. Он обтер потную лысину тем же платком и тяжело вздохнул.

– Но я ничего такого не хотела... – испуганно залепетала Надежда. – Я к лысым очень хорошо отношусь.

– Меня ваше отношение к лысым не интересует, – проговорил сержант неприязненно, – меня интересуют факты... вот вы говорите, что эта гражданка переодевалась? В метро? Мгм... сначала в бежевой куртке, потом в клетчатой... и где же все эти ее куртки?

– Это не две куртки... это одна...

– То две, то одна... – полицейский снова тяжело вздохнул и перевел взгляд на вторую участницу конфликта.

– Это одна куртка, но такая, которую можно переодевать на две стороны! – заторопилась Надежда, чувствуя, что упускает последний шанс оправдаться.

– Да что вы ее слушаете! – перебила ее незнакомка. – Я же говорю – она ко мне в карман влезла! Вытащила вот этот кошелек! – И она помахала в воздухе коричневым кожаным портмоне.

– Если я его вытащила, – вклинилась Надежда. – Если я его вытащила, то почему же он у нее?

– А я успела его отобрать!

– Тише! – рявкнул полицейский и снова вытер лысину. – Документы!

– Что – документы? – переспросила Надежда, холодея.

– Документы предъявите!

Муж все время говорил Надежде, чтобы она носила в сумочке какое-нибудь удостоверение личности.

«Зачем? – отмахивалась Надежда Николаевна. – Так только больше шансов потерять документ. Или его могут украсть...»

«Зачем? На всякий случай! – уговаривал ее муж. – Мало ли что может случиться! Не хочешь носить документы – сделай ксерокопию паспорта и носи ее с собой!»

Надежда на словах соглашалась, но ничего не делала – она считала, что обладает вполне представительной внешностью, да и возраст ее достаточно солидный, так что вряд ли ее задержат на улице для проверки документов... и вообще бывают такие вещи, которые случаются с другими людьми, с кем угодно, только не с тобой...

В общем, предъявить ей было нечего.

Зато подозрительная женщина в оранжевой футболке с готовностью выложила перед сержантом красный потрепанный паспорт.

– Тыквина Мария Семеновна... – прочитал полицейский и перевел взгляд на Надежду Николаевну:

– А ваши документы?

– А у меня нет... – виноватым тоном ответила Надежда.

– Нехорошо получается... – и полицейский забарабанил пальцами по столу.

– Я же вам говорю – она воровка! – вскинулась гражданка Тыквина. – Ее надо арестовать, чтобы другим было неповадно...

И тут Надежда едва слышно проговорила:

– Позвоните моему мужу...

Она очень не хотела, чтобы Сан Саныч узнал о ее сегодняшнем приключении. Просто ужасно не хотела. Она знала, как ей потом от него достанется.

Но ничего другого ей не оставалось.

– Мужу? – переспросил ее полицейский. Ему очень не хотелось заводить бумажную волокиту, писать протокол... до конца его смены оставался всего час.

– А кто у нас муж?

– Лебедев Сан Саныч... то есть Александр Александрович, – торопливо поправились Надежда и хотела уже продиктовать номер мобильного, но в это время дверь опорного пункта распахнулась, и в помещение ввалилась толстая тетка в грязной куртке из болоньи и вязаной шапочке, явно не подходящей к жаркой погоде, установившейся в нашем городе в первых числах августа.

В комнате сразу стало нечем дышать.

Следом за теткой вошел молодой полицейский в заломленной на затылок фуражке.

– Это еще что такое?! – Сержант попеременно глядел то на бомжиху, то на своего младшего коллегу.

– Да вот, Степаныч, опять она... – плаксивым голосом проговорил молодой полицейский и кивнул на тетку. – Уселась перед пересадочным эскалатором, препятствует движению...

– Фунтиков, я тебе сколько раз говорил – не таскай ее сюда! Опять придется санобработку проводить... – сержант нервно почесался. – Выгнал бы ее на поверхность, к чертовой матери...

– Так она возвращается! – пожаловался молодой полицейский. – Я ее уже три раза выгонял!

– Что тебе – медом в метро намазано? – обратился сержант к бомжихе. – Я понимаю, зимой, в мороз...

– А может, ндравится мне у вас! – весело выпалила бомжиха и хриплым голосом запела: – А он мне нравится, нравится, нравится...

Воспользовавшись суматохой, Надежда Николаевна вытащила из сумочки мобильный телефон и набрала номер мужа.

Сан Саныч отозвался не сразу.

– Ну в чем дело, Надя?! – проговорил он недовольно. – Я же тебе говорил – не звони мне по ерунде! У меня самая запарка...

– По ерунде?! – страшным шепотом отозвалась Надежда. – Меня в полицию замели!

– Что ты там шепчешь? – переспросил Сан Саныч, и тут до него дошли ее слова. – Что? В полицию?

К его чести, он не стал тратить время на вздохи, причитания и воспитательные беседы. Быстро и деловито он спросил, где именно находится Надежда, и сухо бросил:

– Сейчас приеду.

Тем временем молодой полицейский с бомжихой покинули опорный пункт. Правда, воспоминание о бомжихе в виде густого спертого воздуха осталось надолго. Подозрительная тетка, из-за которой Надежда Николаевна попала в полицию, тоже под шумок исчезла. Надежда с сержантом остались один на один.

– Может быть, вы меня отпустите? – жалобно проговорила Надежда Николаевна. – Видите, та женщина ушла... значит, она передумала... взяла назад свои слова...

– Ничего не значит! – огрызнулся сержант. – Вот когда выясним вашу личность...

– Вам разве нужно лишнее дело? – продолжала ныть Надежда. – Давайте расстанемся по-хорошему!

– Документы при себе нужно носить! – мстительно произнес сержант и уткнулся в какие-то бумажки, разложенные на столе. Надежде показалось, что у него там «скандинавский» кроссворд. Однако проверить это предположение она не успела: в дверь опорного пункта энергично постучали.

– Ну что там, Фунтиков? – недовольно проговорил сержант, вставая из-за стола и подходя к двери. – Я же тебе сказал...

Однако в открытую дверь вошел не молодой полицейский, а муж Надежды Николаевны Сан Саныч.

Как же Надежда ему обрадовалась!

Но Сан Саныч вовсе не разделял ее радости.

– В чем обвиняется эта женщина? – строго спросил он сержанта.

Сержант вытер лысину и обстоятельно рассказал Сан Санычу про все приключения Надежды. По мере рассказа муж все больше мрачнел. Стараясь не встречаться с женой глазами, он обратился к полицейскому:

– Извините мою жену. Вот умеет она в разные неприятности попадать.

– И документов при себе не носит! – мстительно добавил сержант.

– Сколько раз я ей говорил! – с глубоким чувством воскликнул Надеждин муж.

– А у вас-то документики имеются? – спохватился бдительный страж порядка.

– А как же! – Сан Саныч поспешно выложил на стол паспорт, служебный пропуск, водительское удостоверение, профсоюзный билет, читательский билет Публичной библиотеки и еще несколько книжечек и бумажек.

Надежда поразились, увидев все это обилие документов, но на сержанта они, видимо, произвели впечатление. Увидев читательский билет, он с уважением взглянул на Сан Саныча и спросил:

– Вы вот, наверное, образованный человек... не знаете, какой есть хищник семейства кошачьих из шести букв?

– Кугуар, – машинально отозвался Сан Саныч.

– Кугуар? – переспросил полицейский. – Спасибо...

– Ну что – могу я забрать свою правонарушительницу?

– А... ну, конечно... – и сержант потянулся за кроссвордом.

Всю дорогу до дома муж упорно молчал, сосредоточившись на вождении. Надежда тоже притихла, с тоской ожидая неизбежного тяжелого разговора. Но действительность превзошла все ее самые смелые ожидания.

Во-первых, столкнувшись с соседкой нос к носу, Надеждин вежливый и воспитанный муж не раскланялся с улыбкой, а буркнул что-то неразборчиво и проскочил в лифт, втянув туда же Надежду.

Во-вторых, ключи от дома и машины он не убрал аккуратно в карман, а швырнул возле телефона, отчего красивый стеклянный столик жалобно звякнул.

И, в-третьих, он, конечно, не отпихнул ногой радостно бросившегося навстречу кота Бейсика, но не сказал коту ни одного ласкового слова, не наклонился погладить и вообще сделал вид, что его не заметил.

Каждый из этих пунктов и сам по себе был делом совершенно неслыханным, а уж все вместе они говорили о том, что в душе Сан Саныча бушует такая гроза, какой никогда еще не было за девять лет их с Надеждой совместной жизни. Она приготовилась к самому худшему. Но решила ни за что не начинать разговор первой, сцепить зубы и держаться. Сан Саныч человек рассудительный и нескандальный, возможно, удастся свести все на нет.

Но Надежда не учла всей степени ярости, клоковавшей в душе ее мужа. Он прошел было в гостиную, причем так и протопал в ботинках по паркету, чего ни разу не случилось за все годы их семейной жизни. Надежда Николаевна решила улизнуть и отсидеться в ванной, но муж тут же вернулся, встал посреди прихожей и перегородил Надежде все пути отступления.

– Что, так и будем молчать? – спросил он, сложив руки на груди, как Наполеон перед Ватерлоо. – Мне ведь лясы точить некогда, я на работе должен находиться!

Надежда мгновенно обиделась: теперь муж попрекает ее, что она не работает, а раньше просто умолял бросить эту работу! Все уши ей прожужжал! Однако вслух она ничего не сказала, продолжая хранить гордое молчание. Но муж, похоже, гордым ее молчание не считал, он-то думал, что Надежда молчит, потому что ей просто нечего сказать в свое оправдание.

– Мыслимое ли дело! – продолжал муж, еще больше накаляясь. – У меня огромный заказ висит на волоске, если за два дня не сделаем принципиальный рывок – все рухнет! У меня люди разбегаются: у одного жена уходит, у другого теща в больницу попала, третий отпуск за свой счет требует – тетка у него, видите ли, в деревне с катушек сошла! А я вместо того, чтобы на работе находиться, жену из полиции вытаскивать должен! Стыд какой!

– Но, Саша, – не выдержала Надежда, – неужели ты думаешь, что я и вправду пыталась вытащить у той тетки кошелек? Разве на меня это хоть немного похоже?

– Кошельки у людей из кармана ты не таскаешь! – сердито согласился муж. – Зато ты помешалась на разных криминальных историях и выдумываешь их на пустом месте! Господи, за что мне такое наказание! У других жены как жены – сериалы про любовь смотрят, вяжут, журналы про звезд шоу-бизнеса читают, а моей все это скучно! Ей, видите ли, подавай настоящее преступление! Она его непременно раскрыть должна, без Надежды Николаевны наши правоохранительные органы ну никак не справятся!

Все это было верно на сто процентов. Надежда и вправду имела такую особенность – вечно влезала во всякие криминальные истории, которые происходили с ее многочисленными знакомыми и друзьями. И вместо того, чтобы держаться от этих историй подальше, она окуналась в них с головой и выпутывалась с честью. Но вот мужу-то про эти свои подвиги Надежда старалась не рассказывать, однажды она уже сделала эту глупость – такую выволочку получила! Муж очень за нее беспокоился и боялся за ее жизнь.

Понемногу Надежде удалось убедить мужа, что она забросила свое опасное хобби и сделалась примерной домохозяйкой. Все-таки мужчины бывают удивительно наивны, верят в то, во что хотят!

Сейчас Надежда обиделась на мужа еще сильнее, но держалась из последних сил, чтобы не вывалить на него информацию обо всех криминальных историях, в которых она принимала участие. Народная мудрость не зря учит нас поменьше рассказывать о себе собственному мужу, рано или поздно все это может обернуться против тебя.

Видя, что Надежда молчит, муж сменил тактику.

– Пойми, Надя, – заговорил он более мягко, – я не за то сержусь, что ты сорвала меня с места в самый разгар рабочего дня, если надо – я всегда приеду, не дай бог что случится с тобой или с котом...

– Тебе кот дороже меня! – брякнула Надежда, слишком поздно сообразив, что говорить этого не следовало ни в коем случае, и муж действительно снова завелся:

– Да, потому что кот сидит дома и не выдумывает приключений на свою и мою голову! – закричал Сан Саныч. – Ну скажи, за каким чертом ты потащилась за этой женщиной? Ну как ты очутилась на той ветке метро, когда тебе нужно было ехать совсем в другую сторону?

– Я же говорила, она следила за тем мужчиной, – упавшим голосом проговорила Надежда, – я хотела его предупредить... предостеречь...

– Предупредила? – с непередаваемым сарказмом поинтересовался муж. – Он был тебе сильно благодарен?

– Я не успела, эта баба заорала, что я украла у нее кошелек! И это доказывает, что...

– Да ровным счетом ничего это не доказывает! – вскипел муж. – Если бы ты поменьше мечтала о преступлениях и расследованиях и побольше думала о семье...

– Ну, знаешь ли! – вскинулась Надежда. – Если тебе так тяжело вырваться с работы, мог бы не приезжать! Сказал бы, что занят, приедешь попозже...

– Ага, а тебя бы пока до выяснения посадили в обезьянник, – процедил Сан Саныч, – моя жена – в камере с бомжами! Стыд какой!

– Лучше в камере с бомжами, чем с человеком, который меня в грош не ставит! – заорала Надежда. – Что ты из меня ненормальную делаешь? Я же видела, что эта мымра за ним следит, она переодевалась и очки темные в метро нацепила, когда там и так темно! А потом она его другому мужику передала, а меня нейтрализовала...

– Нейтрализовала? – деревянным тоном осведомился муж. – Ну-ну... Даже если допустить, что ты ничего не выдумала...

– Ты прекрасно знаешь, что я ничего не выдумала! – угрюмо перебила его Надежда. – Хватит валять дурака!

– Ах вот как? – закричал муж. – А тебе не приходило в голову, заметив эту, как ты говоришь, слежку, просто пройти мимо и не вмешиваться в отношения других людей?

Надежда наклонила голову, вспомнив, что та тетка в двойной куртке тоже высказалась примерно в том же духе.

– Может, она за неверным мужем следила или за любовником, – продолжал Сан Саныч, – может, человек на работе, в детективном агентстве, а ты все испортила.

– А тебе бы только чтобы я ни во что не вмешивалась! – крикнула Надежда, разозлившись оттого, что муж вполне может быть прав. – Ты хочешь, чтобы я дома сидела и тебе котлеты жарила!

– Что-то нечасто я те котлеты вижу, – напоказ вздохнул муж, – все больше готовое разогреваешь...

Надежда еще сильнее разозлилась, потому что и это было правдой. А кто, интересно, виноват, что она ничего не успевает? Сам же велел ей бросить работу, вот теперь все знакомые буквально сели на шею! Вместо того, чтобы успокоиться и призвать себя к порядку, Надежда полностью дала себе волю.

– А теперь все только о себе и думают! – кричала она. – У вас на глазах человека убивать станут – вы и то не остановитесь! Переступите и мимо пройдетесь!

Муж покраснел и раскрыл было рот для гневной отповеди, но тут у него требовательно и настойчиво зазвонил мобильник. Пока он разговаривал в комнате, Надежда опомнилась. Что она творит? У мужа запарка на работе, горит важный заказ, а она не нашла ничего лучше,

чем скандалить! Ее долг как верной жены помогать мужу во всем, а не трепать ему нервы по пустякам. Да провались этот лысый мужик из метро совсем, стоит еще из-за него ругаться!

– Саша! – шагнула она навстречу появившемуся мужу, но встретила его суровый взгляд и остановилась.

– Вот что, – произнес он, – я нашел тебе занятие. У моего главного специалиста заболела в деревне тетка. То есть она и так болела, но женщина, что за ней ухаживает, сломала ногу. Если я его сейчас отпущу – заказ сгорит синим пламенем. Заказ очень важный, и, если мы его запорем, та фирма не станет больше иметь с нами дела. И другие тоже. На нашей репутации можно будет поставить крест.

Надежда с трудом поняла, к чему он клонит. А когда поняла, то отказалась верить.

– Ты хочешь сказать, что я должна ехать неизвестно куда и сидеть там с совершенно незнакомой старухой невесть сколько времени? – проговорила она непослушными губами.

– Ну почему неизвестно куда? – быстро заговорил муж. – Это деревня под Выборгом, места очень красивые... между прочим, там полно грибов и черники...

– Грибов? Черники? – переспросила Надежда, которая просто не верила своим ушам. – Ты хочешь, чтобы я работала сиделкой при совершенно незнакомой капризной тетке?

– Все лучше, чем в метро приставать к незнакомым мужчинам! – отрезал муж. – Скоро твой портрет повесят на стенде «Их разыскивает полиция»! А так от тебя хоть какая-то польза будет!

Надежда Николаевна проглотила готовые сорваться с языка возмущенные слова: на сей раз муж прав, она свалила дурака и сама дала ему козыри против себя... То есть не то чтобы прав, разумеется, он не прав, нельзя относиться к собственной жене как к крепостной крестьянке – понадобилось ему, он и послал ее на барщину. Она не рабыня, чтобы беспрекословно повиноваться! И как он вообще посмел разговаривать с ней в таком тоне?

«А вот не надо было попадаться, – шепнул ей внутренний голос, – теперь сама расхлебывай»!

Надежда Николаевна растерялась – никогда прежде муж не говорил ей таких слов, как сегодня.

Используя последний аргумент, она проговорила:

– А как же ты будешь жить без меня? А как же кот?

Чтобы привлечь кота на свою сторону, Надежда наклонилась, подхватила Бейсика, который как раз проходил мимо, и прижала его к груди. Но подлый котяра ловко вывернулся у нее из рук и прыгнул на пол, да еще больно цапнул когтями.

«Предатель!» – подумала Надежда.

Видя, что она не кричит, не топает ногами и не бьет посуду, муж смягчился.

– Надя, если ты уж очень не хочешь ехать, то, конечно, заставить тебя я не могу...

– Нет уж, я поеду, – неожиданно для себя процедила Надежда, – поеду и буду там жить! А вы тут как хотите...

– Это ненадолго, всего на две недели! – радостно крикнул муж. – Потом Митькина жена из Крыма вернется, тебя сменит. А там мы все закончим, Митя в отпуск пойдет...

Митя оказался совсем молодым мужчиной – и тридцати-то нету, а возможно, так показалось Надежде из-за его сублильного сложения. Он бурно благодарил Надежду за помощь, вручил ей огромную сумку с продуктами и сообщил, что тетка Аглая Васильевна ему, собственно говоря, не тетка, а двоюродная бабушка. Она одинока, и он ее единственный родственник. В город ехать старушка ни за что не соглашается, вбила себе в голову мысль, что помрет там.

– И сколько же ей лет? – с подозрением осведомилась Надежда, прикинув, что у тридцатилетнего парня бабушке должно быть уж не меньше семидесяти пяти.

– За восемьдесят, – признался Митя и отвел глаза.

– Она что – в маразме? – Надежда решила отбросить дипломатию и спросить прямо.

– Да не то чтобы... – замялся Митя, – она ходит плохо, многое забывает, конечно, но существовать с ней вполне можно... Там магазин есть в поселке, километра два лесом... Электричество, вода в колонке чистая... Да вы Люсю спросите, соседку, она за теткой ухаживала, если бы не нога сломанная, то мы бы и горя не знали... Я звонил, вас встретят и до места довезут...

– Там мобильники работают? – оживилась Надежда.

– Нет, мобильники там не берут, я в поселок звонил.

После Рощина цивилизация за окнами поезда кончилась, и пошел лес. На положенном расстоянии от путей стояли высоченные ели, которые время от времени сменялись стройными золотистыми соснами. Сосновый бор был совершенно сухим и прозрачным, хотелось ходить по нему в тапочках. Сосны, в свою очередь, сменялись веселыми солнечными полянками, заросшими розовым иван-чаем с неременной компанией березок посередине.

От такой красоты настроение у Надежды улучшилось, она смотрела в окно и представляла свою жизнь на хуторе. На мужа, конечно, она обиделась надолго, а на кота – вообще навсегда, но старуха-то ни в чем не виновата, надо помогать ближнему, и, возможно, это Надежде зачтется потом как доброе дело.

Поселок Васильки был предпоследней станцией от конечной, города Выборга. Немногочисленные пассажиры споро выволокли из вагона свои котомки и сумки на колесиках, поезд залихватски свистнул на прощание и укатил дальше. Надежда поставила прямо на платформу свои сумки и огляделась.

Пассажиры, оживленно переговариваясь, спустились с платформы и направились по широкой дороге к нескольким видневшимся вдали строениям. На противоположной платформе ожидали поезда в город человек семь – две тетки необъятных размеров ели батон, отмывая от него поочередно, старик с рюкзаком и палкой отвернулся, не в силах смотреть на такое обжорство. Надежда очень его понимала. Была там еще бодрая старушенция с ведром черники и сапогами, подвешенными через плечо на веревочке. Двое подростков на велосипедах, а за ними... Надежда помотала головой, потому что увидела что-то очень знакомое... Вон тот мужчина – невысокий, подвижный, со смуглым или очень загорелым лицом, определенно она где-то его видела... Внезапно налетела электричка, от ветра взметнулся песок с насыпи, и, когда Надежда проморгалась и вытерла пыльное лицо, она увидела только хвост последнего вагона. На платформе было пусто.

Митя объяснил Надежде, что основной поселок находится от путей справа, ей же нужно перейти железную дорогу и идти налево в лес по тропинке. Идти надо километр или чуть больше, потом свернуть на просеку, подняться в горку, пройти еще совсем немного, затем спуститься в овраг, перейти через ручей по деревянному мостику, а как поднимешься, тут и будет хутор – три дома, в одном из которых, с зелеными ставнями, живет Аглая Васильевна.

Но в этом нет необходимости, говорил Митя, ее обязательно встретят. Однако на платформе никого не было, и никто не торопился к Надежде навстречу. Она постояла еще немного, поглядела, как маленькие фигурки ее попутчиков исчезают вдали, пожала плечами и подхватила свои сумки. Нужно было добираться самостоятельно.

Канава у дороги была такая глубокая, что пришлось переносить через нее тяжелые сумки по очереди. Тропинка была едва заметна, видно, нечасто ею пользовались. Спросить было не у кого, и Надежда бодро припустила вперед.

Сразу же на нее налетели комары. Комары были удивительно крупные и на редкость злобные. Они садились на голые руки, на лицо и даже пытались прокусить брюки. Отгонять их было затруднительно, поскольку руки были заняты тяжеленными сумками. Надежда мотала головой, как лошадь, и пыталась сдуть нахальных насекомых. Тропинка понемногу забирала

вверх, и тут Надежда остановилась, потому что прямо на дороге стояли два огромных ярко-красных мухомора. Они были такие большие и красивые, что производили впечатление ненастоящих – вроде как из мультфильма.

Надежда полюбовалась на красавцев, и тропинка привела ее в лес. Ели были такие высокие, что, задрав голову, никак не разглядеть верхушки. Однако долго стоять на одном месте не было никакой возможности – комары совершенно распоясались, как будто сейчас не август, а самое начало июня.

Через некоторое время Надежда Николаевна почувствовала легкое беспокойство. Тропинка понемногу перешла в лесную дорогу и, судя по всему, оттопала по ней Надежда уже очень много. А вот будет ли это километр? Давно уже должна была появиться справа просека, и нужно идти в горку, а дорога не кончалась. По сторонам стоял лес – серьезный, темный и густой. Надежде стало неуютно. Вон там под елью виднеется большое отверстие в земле. Это нора, но чья? Да уж точно не заячья и не мышки-норушки. Должно быть, лисья? Но с детства Надежда твердо знала, что лиса всегда делает вход в нору как можно незаметнее, нарочно запутывает, это во всех сказках про хитрую Лису Патрикеевну написано. Ладно, тогда барсук, барсук попроще, как он выглядит Надежда представляла плохо, у соседки, кажется, когда-то давно была барсучья шапка. На ходу Надежда решила, что с барсуком ей встречаться тоже не хочется, вдруг он обидится за шапку, и как ему объяснить, что Надежда к той шапке отношения не имеет?

Сумки были тяжеленными, особенно та, что дал Митя с гостинцами для тетки. Если судить по физической усталости, то Надежда отмахала уже километров десять, не меньше.

– Нет, так не пойдет! – сказала она вслух и решительно плюхнула сумки прямо на дорогу. – Что такое километр? Тысяча метров. В метре сто сантиметров, а мой шаг составляет примерно шестьдесят сантиметров, стало быть...

От жары и усталости никак невозможно было в уме тысячу умножить на сто и поделить на шестьдесят. Надежда подобрала прутик и занялась письменными вычислениями прямо на дороге. Получилось, что в километре примерно тысяча шестьсот шестьдесят ее шагов.

– Замечательно, – вздохнула Надежда, – знала бы – считала шаги. И время не засекала, когда через канаву перебиралась.

И когда она окончательно приуныла, послышался шум мотора, и возле нее остановился мотоцикл с коляской. Управлял мотоциклом крепкий красномордый дядька в клетчатой рубашке. Рукава рубашки закатаны, и видно было, как под кожей, покрытой светлыми волосками, перекачиваются мускулы.

– Здравствуйте! – крикнул дядька, перекрывая шум мотора. – Вы не на хутор идете?

– На хутор, – осторожно ответила Надежда, – а что?

– К Аглае Васильевне? – обрадовался дядька. – Ну так садитесь, подвезу!

– А вы вообще-то кто? – Надежда решила отбросить хорошие манеры, потому что ее очень впечатлили дядькины руки – большие, с лопатообразными ладонями и квадратными ногтями. Лес кругом, никто на помощь не придет, если что...

– А я вообще-то местный участковый, Черенков Николай Иванович, – посуровел дядька, – просили вас встретить и до места довезти. Желаете с документами ознакомиться?

– Да ладно, так поверю... – застеснялась Надежда Николаевна, подхватив сумки.

Участковый в это время внимательно разглядывал ее вычисления на дороге, хмыкнул и посадил Надежду в коляску. Сумку пришлось пристроить перед собой, так что когда Надежда сумела что-то разглядеть, оказалось, что они едут куда-то не туда. Не было ни просеки, ни овражка, зато показались довольно широкий проселок и поле, вдали виднелись какие-то подозрительные строения. Надежда забеспокоилась, что зря она не посмотрела в удостоверение, потом решила, что сейчас любой документ можно подделать, простой человек с ходу не определит.

– Там мотоцикл не пройдет! – крикнул участковый, повернув голову. – Мы в обход!
У Надежды отлегло от сердца.

И правда, вскоре свернули на другую дорогу, поуже, потом мотоцикл запрыгал по корням и кочкам, и вот среди леса показался большой дом с зелеными ставнями.

Николай Иванович высадил Надежду перед калиткой. Сам он вкатил мотоцикл в широко распахнутые ворота, которые вели, собственно, к тому же дому. Дом был большой, старый и несуразный, как помесь бульдога с носорогом. Видно было, что на протяжении его долгой жизни к этому дому много раз пристраивали какие-то терраски, крылечки и верандочки, а то и просто чуланчики. Трудно даже было сказать, сколько в этом доме этажей: с одной стороны вроде бы два, с другой – полтора, а с самого края и вовсе один. Входа было два: один в левом крыле, куда направлялся Николай Иванович, второй – справа, напротив той калитки, в которую вошла Надежда.

От калитки к крытому крыльцу вела едва заметная тропинка, проложенная среди густой высокой травы. Поскольку другого пути видно не было, Надежда Николаевна решительно зашагала по этой тропинке. Попутно она оглядывалась по сторонам, изучая место своего временного заточения.

К несуразному дому примыкал такой же несуразный участок. Большая его часть заросла, как уже сказано, высокой травой, бурьяном и лопухами. Лопухи были знатные – каждый лист со слоновье ухо.

Среди этих зарослей кое-где проглядывали захиревшие кусты черной и красной смородины, явно проигрывавшие лопухам битву за место под солнцем, да несколько кривых хилых яблонь, прежде знавших лучшие времена. Между двумя яблонями была натянута веревка с сохнувшим бельем.

Зато вокруг участка возвышались могучие ели с освещенными солнцем верхушками. Дальше простирался темный бескрайний лес – тот самый, где, по словам Мити, было полным-полно грибов и ягод.

«Однако в одиночку в такой лес идти страшиновато, – подумала Надежда. – Заплутать в нем ничего не стоит...»

– Здравствуй, милая! – донесся до нее с крылечка жизнерадостный голос. – Как доехала?

Надежда повернулась на голос и разглядела крупную внушительную старуху, которая сидела на крыльце в массивном деревянном кресле с высокой прямой спинкой. Старуха и сама была высокая и прямая – по крайней мере, в сидячем положении.

– Здравствуйте, Аглая Васильевна! – отозвалась Надежда и подумала, что Митина тетка, по первому впечатлению, вроде бы не в маразме и даже вполне контактна.

– Как детки? – продолжала хозяйка. – Как Витенька?

– Какие детки? – опешила Надежда. – Какой Витенька?

– Ты ведь Таня? – Старуха приложила руку козырьком и вгляделась в гостью, – или ты Маша?

– Я Надя, – сообщила Надежда Николаевна, резко меняя мнение о вменяемости старухи. – Меня прислал Митя... я у вас поживу... буду вам помогать...

– А, ты не Маша? – сообразила старуха. – Я знаю, ты Клава! Здравствуй, Клабочка!

– Я не Клава! – Надежда повысила голос. – И не Маша, и не Таня. Я Надя! Надежда!

– Заходи, Клабочка, сейчас будем чай пить! – пригласила ее Аглая Васильевна. – С сушками!

– Все равно ты ее не переубедишь, – раздался сбоку женский голос. – У нее все Клавы. Меня она тоже Клавой зовет.

Надежда обернулась и увидела румяную женщину лет сорока или около того, в длинной, цветастой турецкой юбке и зеленой трикотажной кофте, обтягивающей внушительный бюст.

Судя по всему, эта особа приделась по случаю приезда Николая Ивановича, который умывался возле второго входа в дом, плеская на себя воду из умывальника и радостно фыркая.

– Я Люся вообще-то, – сообщила женщина. – Это я за ней приглядывала, да, видишь, ногу сломала...

Только сейчас Надежда увидела, что ее собеседница опирается на металлический костылик, а из-под юбки выглядывает запеленутая в гипс нога. Собственно, стало понятно и назначение такой длинной юбки – она прикрывала следы временного увечья.

Надежда поймала выразительный взгляд Люськи, брошенный на мужчину возле умывальника, и все поняла. Да и что тут хитрого-то, все ясно...

– Так-то я хожу нормально, но со старухой управляться не могу, – с сожалением сообщила Люся, которая, видимо, лишилась дополнительного заработка. – Если чего понадобится, ты у меня спрашивай. Помогу по-соседски...

Тут ее окликнул Николай Иванович, и Люся, несмотря на перелом, упорхнула удивительно проворно.

А Надежда Николаевна поднялась на крыльцо, с облегчением поставила на пол сумку и пригляделась к старухе.

Аглая Васильевна явно знала лучшие дни.

Она была в аккуратной темно-синей кофте, на лацкане которой блестел какой-то памятный значок. Морщинистые руки лежали на подлокотниках кресла так, словно это был королевский трон. Седые волосы коротко подстрижены, сбоку в них была воткнута старомодная черепаховая гребенка.

– Давай чай пить, Клабочка! – объявила старуха и величественным жестом указала на свободный стул.

– Наверное, его сначала нужно приготовить, – предположила Надежда. – Где у вас чайник?

– Чайник? – Старуха удивленно захлопала глазами. – И правда, где же у меня чайник?

Прошел день. Надежда понемногу осваивалась на новом месте. На хуторе, кроме жилища старухи и Люськи, было еще два дома. Один стоял напротив, окна в нем были заколочены, поскольку пожилая хозяйка умерла три года назад, а ее наследники, по Люськиным словам, заломили за дом такую цену, что простые люди и не смотрели в ту сторону, а богатым подавай дом каменный, да чтоб вокруг жили такие же, как они, богатеи, и дорога непременно асфальтовая, а по такой грунтовке, как здесь, их машины импортные не пройдут.

Второй дом был окружен высокими густыми кустами, из-за которых едва проглядывала темная, крытая ржавым железом крыша с мрачной кирпичной трубой, да виднелось одно подслеповатое окошко. От этого дома веяло каким-то мраком и унынием, так, по крайней мере, показалось Надежде. А еще ей как-то показалось, что в том единственном окне, которое выглядывало сквозь разросшиеся кусты, мелькнуло мужское лицо – такое же мрачное, как сам дом.

И, наконец, в том доме, где предстояло провести какое-то время Надежде, в доме с зелеными ставнями, поделенном на две половины, жили Аглая Васильевна и Люська – бедовая бабенка, как сейчас говорят, без определенных занятий, а также Люськин песик неизвестной породы по имени Шарик. Люська была внешне ничего себе, только глаза уж слишком блестели по вечерам. К Люське довольно часто заходил участковый Николай Иванович, за два дня Надежда видела его едва ли не пять раз.

Старуха Аглая Васильевна вблизи оказалась не так страшна. Лет ей ни много ни мало, как оказалось, восемьдесят восемь (Надежда нашла в ящике стола паспорт), и, конечно, для такого возраста физически она была еще ничего себе. Вот только с головой... Старуха постоянно путала имена и события, Надежду упорно именовала Клавой, внучатого племянника Митю

вообще не помнила. Но очень обрадовалась его гостинцам – в сумке были шоколадные конфеты, сдобное рассыпчатое печенье и мягкий сыр.

Иногда у старухи бывали временные просветления – так, к примеру, она сделала строгий выговор Надежде за то, что та забыла на минуту сковородку на огне, и вся изба провоняла горелым маслом. В остальном Аглая Васильевна была доброжелательна и некапризна – ела что приготовит Надежда, пила удивительно много крепкого чая и самостоятельно занималась собственным туалетом, что, согласитесь, дело немаловажное.

Так что дел у Надежды Николаевны было не так чтобы много. Но она по природе была женщиной любопытной и не привыкла проводить свободное время в гамаке под деревом. В первый же день, как только старуха прилегла отдохнуть после обеда, Надежда обежала близкие окрестности.

У старухи в саду стеной стояли трава и сорняки, у Люськи розовым цветом полыхали флоксы, и за неимением вазона настурции цвели в старом эмалированном тазу. Заколоченный дом встретил Надежду неприветливо, забор прохудился, и она рискнула подойти ближе. Какая-то птица выскочила прямо из-под ног, Надежда даже вскрикнула. Участок тоже зарос травой, а прежде был красивый, потому что опытный глаз Надежды разглядел клумбы и кусты диких роз.

В траве кто-то шуршал, Надежда поскорее дала задний ход.

Люська заглянула, когда пили чай, и принялась болтать. Люди ведрами несут из леса чернику, а она вот из-за ноги на приколе. Грибов хороших пока еще нету, слишком сухо. В поселке ребята передрались по пьяному делу, один даже в больницу попал, Николай протокол составил.

– А кто еще тут на хуторе живет? – вклинилась Надежда, слушать про драку ей было неинтересно.

– Ты в тот дом не ходи, – ответила Люська, – там хозяин дед Семен, он ненормальный. Собаку может запросто спустить, а собака у него – сибирская лайка, не то что мой Шарик, полруки отхватить может.

– А что это он такой злой? – удивилась Надежда.

– А он людей не любит, – Люська махнула рукой, – ни своих, ни чужих. Говорю же – псих!

– Несчастный он человек, – неожиданно здраво заметила старуха, – не всегда таким был, а как сын у него погиб, так и сдвинулся немножко от горя. Ни с кем не общается, а если к нему не навязываться, то не тронет...

– А что с сыном-то случилось? – из вежливости поинтересовалась Надежда.

Но старуха уже занялась крендельком с вареньем и не ответила.

– Вроде это давно было... не то зарезал его кто-то по пьяному делу, не то сам под поезд попал, опять же выпимши... – неуверенно пробормотала Люська.

– У тебя все – по пьяному делу! – рассердилась Надежда. – Будто других причин нет!

– Все зло – от пьянства! – с глубоким убеждением сказала Люська и ушла.

Надежда вняла предупреждению и больше не глядела в сторону дома деда Семена, а занялась окультуриванием участка старухи. Она нашла в сарае старый серп и срезала траву у дома. Ко всеобщему удивлению, под травой обнаружилась клумба с чахлыми лиловыми цветами под названием сапожки. Надежда вылолала сорняки и вылила на клумбу несколько ведер воды. Благодарные цветы тут же потянулись к солнцу, а вдохновленная успехом Надежда стала рыскать по участку – авось найдется еще какой не совсем умерший цветок.

О муже и коте Надежда старалась не вспоминать – пусть живут как хотят, а ей и здесь неплохо.

Надежда вынесла столик на улицу и пристроилась мыть посуду в тенечке под елкой. Наверху, в ветвях, громко затрещала какая-то любопытная птица.

«А все-таки здесь хорошо, – подумала Надежда, споласкивая тарелку. – Воздух, тишина...»

Правда, насчет тишины она немного поторопилась: с Люськиной половины донеслись крики, звон бьющейся посуды... в общем, там явно разразился скандал. Через минуту дверь распахнулась, на крыльцо выкатился Николай в полурасстегнутой рубашке. Лицо его украшала свежая царапина. Застегиваясь на ходу, он тяжело протопал по крыльцу, направляясь к своему мотоциклу. Рядом с Надеждой он притормозил, сплюнул в сердцах и проговорил вполголоса:

– Черт ее разберет, чего ей надо! Только что все было хорошо, и вот на тебе! Не, с такой женщиной жить нельзя, лучше уж с миной противопехотной, она хоть до поры помалкивает!

Он похлопал себя по бокам, раздраженно крикнул и проорал в сторону крыльца:

– Люська, так тебя и разэтак, вынеси мою планшетку!

В ту же секунду на крыльце возникла Люська. Лицо ее пылало, как сельсовет на закате, темные волосы были всклокочены, руки уперты в крутые бока.

– Планшетку тебе? – передразнила она участкового. – А задницу подтереть тебе не надо? Пусть тебе лахудра твоя на посылках бегаёт, корова симментальская! Анфиску свою проси прислуживать, а я тебе в домработницы не нанималась!

– Люся, угомонись! – прикрикнул на нее участковый. – Люди же слышат... нехорошо! Ты мне весь авторитет, к чертям собачьим, оприходуешь!

– А мне от людей скрывать нечего! – отозвалась Люська. – Я как есть от тебя пострадавшая сторона, а тебе про свой авторитет раньше надо было думать! На, подавись своей планшеткой! – И она швырнула в сторону Николая плоскую кожаную сумку на ремне. Сумка раскрылась в полете и упала на землю между Николаем и Надеждой, ее содержимое высыпалось на пыльную траву. Люська удовлетворенно проследила за последствиями своего броска и скрылась в доме, напоследок громко хлопнув входной дверью.

От этого грохота с вершины огромной ели сорвался ворон и полетел в сторону станции, возмущенно каркая.

– Ну что за баба... – бормотал участковый, собирая бумаги и фотографии. – Это динамит, а не баба... за ее вредность мне молока положены страшные центнеры!

Надежда Николаевна наклонилась, чтобы помочь участковому. Она подняла какие-то разграфленные листки с цифрами, квитанцию с лиловой печатью и крупную черно-белую фотографию.

На этой фотографии был изображен мертвый мужчина, лежащий навзничь на железнодорожной насыпи. На виске покойника чернела неровная рана, еще одна рана виднелась под подбородком – в том месте, где завязывают узел галстука. Рана эта была небольшой, но страшной – ясно, что именно она стала причиной смерти.

Глаза мертвого были полуоткрыты и смотрели куда-то вверх с тем особенным выражением, какое бывает только у мертвецов – как будто этому человеку внезапно открылось что-то очень важное, но теперь уже и это не имеет значения.

Рука Надежды дрогнула.

Она узнала этого человека.

Неуклюжая фигура, лысина, обрамленная венчиком темных волос... это был тот самый человек, которого преследовала в метро женщина в двухсторонней куртке. Тот человек, из-за которого Надежда попала в полицию. Которого она хотела предупредить... предупредить неизвестно о чем. И так и не успела.

– Вы чего? – Николай заметил происшедшую в ней перемену.

– Вот... – Надежда протянула ему фотографию.

– А! – Николай с пониманием вздохнул. – Да, неприятная история... выкинули мужика из поезда, ни документов, ни вещей. Попробуй, опознай при таком раскладе... разослали всем участковым в окрестностях и по линейной службе – на предмет опознания.

– Где это случилось? – спросила Надежда деревянным голосом.

– Да неподалеку, на перегоне от Суоярви до Яковлева. Потому и мне прислали, что недалеко... а вы что – не знакомого ли признали? – Глаза участкового блеснули.

– Нет... – поспешно открестилась Надежда, вспомнив строгий наказ мужа – держаться подальше от всякого криминала и ни в коем случае не ввязываться ни в какие подозрительные истории. Да и в самом деле – разве она знала этого человека? Видела один раз в жизни, да и то почти мельком, даже имени его не знает...

– Неприятная история! – мрачно проговорил Николай, застегивая свою планшетку. – И эта рана... пять лет уже ничего такого не случилось... с тех самых пор... я уж думал, все кончилось...

– С каких пор? – заинтересовалась Надежда.

– Что? – Николай тряхнул головой, словно проснулся. – Да нет, это я так, про свое... в общем, неприятная история! – повторил он. – А вывод из нее какой?

Он сделал паузу, вовсе не ожидая ответа, а просто для пушей выразительности, и сам ответил на собственный вопрос:

– А вывод такой, что в поезде нужно вести себя осторожно, шпаны там всякой хватает. Не садиться в пустой вагон, а лучше держаться где люди и поближе к машинисту...

Посчитав, что на этом разъяснительная работа среди населения по профилактике правонарушений закончена и мысленно поставив самому себе жирный плюсик, участковый оседлал мотоцикл и укатил в ту же сторону, куда перед тем улетел ворон.

А Надежда осталась стоять ошеломленная, руки ее машинально перемывали посуду. Ну надо же, какое совпадение! Именно тот человек оказался убит. Да полно, он ли? Может, она все путает?

«Ну уж нет, – сказала себе Надежда, – может, я и сдвинулась, но только на криминале. А память на лица у меня всегда была отличной, раз увижу человека – никогда не забуду. Это был именно тот мужчина из метро...»

И тут в голове всплыло еще одно воспоминание: когда она вышла из электрички, на противоположной платформе она увидела кого-то ужасно знакомого. И теперь она вспомнила – это был тот самый тип, который перемигнулся с теткой в метро и принял от нее эстафету. Стало быть, он следил за жертвой, убил, выбросил из поезда, а сам спокойно доехал до следующей станции и сел на встречную электричку.

«Если бы Саша знал! – подумала Надежда, прислушиваясь к удалявшемуся шуму мотоцикла. – Он меня в эту глухомань заслал, чтобы уберечь от всяческого криминала, а криминал сам за мной тянется, как кот за сметаной... правда, что ли, во мне есть какая-то аномалия и я просто притягиваю преступления, как магнит?»

Она подумала, что так и не смогла ничем помочь несчастному мужчине, за которым следили в метро, того настигла-таки неумолимая рука судьбы... хотя, при чем здесь судьба, когда его явно убили лихие люди?

Он шел по тропинке вдоль насыпи и прислушивался к своим ощущениям. Этот запах, запах сосновой хвои, смолы, сухого мха и еще чего-то трудноуловимого, но такого знакомого... Он чувствовал, знал, что находится на правильном пути. То, что Он ищет, где-то близко, где-то совсем рядом...

Если бы Он только смог вспомнить!

Но там, в глубине Его мозга, где прошелся скальпель хирурга, осталось темное бесформенное пятно, клубящийся туман, в котором, как молнии в грозовой туче, просверкивали время от времени неясные обрывки воспоминаний.

Сначала, когда Он только начал приходить в себя, когда лежал среди бессловесных и бесчувственных созданий, когда-то бывших людьми, в Нем проснулось главное: Он понял, что

отличается от них всех, отличается даже от врачей и санитаров, время от времени приближающихся к Нему, прикасающихся равнодушными и безразличными руками.

У Него в отличие от них была цель.

Где-то далеко находилась невероятно важная вещь, которую Он должен найти, и тогда вся Его жизнь изменится.

Эта вещь звала Его, манила к себе, Он слышал ее зов днем и ночью, сквозь бормотание своих бессловесных соседей, сквозь крики боли и отвращения...

Эта вещь освещала изнутри тусклым золотым свечением то темное облако, которое осталось в Его мозгу после болезни и операции.

С каждым днем Он становился сильнее. Это золотое свечение, это зов той важной вещи понемногу возвращал Ему силы.

И, в конце концов, однажды ночью Он понял, что стал достаточно сильным, чтобы совершить Действие.

Тот санитар даже ничего не успел понять, даже не успел по-настоящему испугаться.

Руки так быстро сомкнулись на его горле, что мальчишка только широко раскрыл глаза, не понимая, что происходит, и тут же умер.

А Он – Он вдруг словно проснулся. Он почувствовал, что Действие – это Его призвание, что Он родился именно для того, чтобы отнимать жизнь и видеть, как она стремительно уходит из жертвы, слышать последний умоляющий вздох, видеть тускнеющие, подергивающиеся смертной пленкой глаза.

Эти снующие, суетящиеся вокруг человеческие существа – их жизнь бессмысленна, беспечна, они мечутся взад-вперед, как муравьи вокруг разоренного муравейника, и только Он своим Действием придает их существованию высший смысл.

И еще – в миг Действия в том черном облаке, которое клубилось в глубине мозга, вспыхнула новая молния, и Он громче расслышал зов своей цели. Он понял, куда она его зовет.

Одно только Ему показалось неправильным: то, как Он совершил Действие. Кажется, раньше Он делал это по-другому, более правильно, более совершенно... ничего, придет время, и Он вспомнит, Он все вспомнит.

Совершив Действие, Он вскочил, положил мертвого мальчишку на свою кровать, а сам скорчился, спрятался под соседней койкой.

Безумцы вокруг словно почувствовали, что в палате произошло что-то важное – кто-то горестно захныкал, кто-то застонал, кто-то беспокойно заворочался на койке.

Как Он и ожидал, вскоре в палате появился второй санитар.

Сначала Он думал, что нужно повторить Действие, но в темном облаке снова сверкнула молния, и Он понял, что этот человек еще не готов к смерти, что он может принести Ему пользу, может приблизить Его к заветной цели. Пока испуганный санитар стоял над трупом своего напарника, Он успел выскользнуть из палаты в коридор, а потом – спрятаться в бельевой.

Вскоре на отделении началась суматоха, санитары и врачи обходили все комнаты, пытались найти Его...

Он не боялся – Он знал, что Его цель, та важная вещь, которая должна изменить Его жизнь, охраняет Его, что она не отдаст Его в чужие враждебные руки.

Так и случилось: в бельевую вошел тот санитар, которого Он пощадил во тьме шестой палаты.

Санитар испугался, сначала он хотел выдать Его, позвать на помощь других людей, но Он сумел подчинить этого жалкого человека своей воле, а потом сумел подействовать на него, используя присущую санитару жадность.

Жадность была самым сильным свойством этого мелкого человека, она руководила всеми его поступками, и едва Он рассказал какую-то неправдоподобную историю и пообещал санитару быстрое обогащение – тот стал Его послушным орудием.

Санитар вывел Его из больницы, отвез к себе домой, обеспечил самым необходимым.

Но потом, когда Он, услышав зов своей цели, отправился сюда, санитар бросился по его следу.

Жалкий, наивный человек!

Он воображал, что может перехитрить Его! Его, которым руководит великая цель!

Заметив санитару в пригородной электричке, Он заманил его в безлюдный тамбур и там снова совершил Действие.

На этот раз он совершил его не голыми руками, а кое-как заточенным железным штырем, который нашел в одном из вагонов.

Санитар изумленно, растерянно захрипел, как бык под ударом тореадора, кровь хлынула из раны, ноги его подогнулись...

И в это мгновение Его руки словно почувствовали могучий поток энергии, который перелился в сердце, наполнил его до краев. На этот раз Он не сомневался, что сделал все как надо. Он делал это раньше, до операции, до того, как в мозгу возникло черное облако.

Поток энергии, влившийся в Него во время Действия, всколыхнул то облако, и великая цель сильнее зазвучала в Его душе.

Он вспомнил... вспомнил еще не саму цель, но то, что она как-то связана с Действием. С Действием, которое Он совершал прежде, до операции, до больницы...

И еще одно.

Здесь, шагая по железнодорожной насыпи посреди бескрайнего соснового леса, Он слышал зов своей цели гораздо громче, гораздо отчетливее, чем в городе.

Это могло значить только одно: Он находится на правильном пути, Он приближается к ней...

– Покурить хочешь? – раздался рядом с Надеждой виноватый голос.

– Что? – переспросила она, оборачиваясь. Рядом с ней стояла Люська. Она тоскливо смотрела вслед участковому.

– Ну... давай, что ли! – согласилась Надежда.

Она вообще-то старалась не курить, можно сказать – совсем не курила, за теми редкими исключениями, когда считала, что выкуренная сигарета могла сблизить ее с человеком, от которого Надежда рассчитывала что-нибудь узнать. Правда, она и сама еще не знала, что хочет узнать от Люски, но ее знаменитая интуиция подсказывала, что наступил тот самый момент, когда стоит пренебречь предостережениями Минздрава.

– Козел он, – проговорила Люська, дав Надежде прикурить и выпустив через ноздри густой вонючий дым. – Хотя, конечно, все мужики козлы... Колька – он еще ничего... если бы не Анфиса... прям как бобик на поводке у нее ходит!

Надежда осторожно закурила, стараясь не затягиваться, но все равно закашлялась: Люскины сигареты были на редкость едкие и ядреные.

– Кто это – Анфиса? – поинтересовалась она, отдышавшись.

– Жена его, – с ненавистью выдохнула Люська и сплюнула на землю. – Своими бы руками задушила эту корову! Если бы не она...

Надежде вовсе не хотелось выслушивать Люскины излияния, и она попыталась перевести разговор на более интересную тему:

– А что здесь случилось пять лет назад?

– Пять лет? – равнодушно переспросила Люська. – Вроде маньяк какой-то орудовал...

– Маньяк? – оживилась Надежда. – Что за маньяк?

– А я почему знаю? Пять лет назад Людмила Синякова была городская штучка, у меня и в мыслях не было в такую глухомань подаваться! В страшном сне не приснилось бы! Работа у меня была хорошая – штукатуром в РСУ, и квартиру я через эту работу получила, однокомнатную, и внешность подходящая... мужики проходу не давали! Вот через них, через мужиков, все мои неприятности...

Надежда поняла, что ей не избежать Люськиной исповеди, и приготовилась слушать.

– Познакомилась я с одним... Реваз звали. То ли чечен, то ли грузин, в общем, лицо нерусской национальности. Но из себя очень видный, а главное – обходительный. Наши-то ребята из РСУ норовили по-простому – бутылку раздавить, и в койку. А этот и в ресторан, и в кино – одним словом, культура. Только домой к себе ни разу не пригласил. Все больше ко мне в однокомнатную. Вроде, говорил, дома у него мама больная, может от моего вида сильно переволноваться. И еще – если в ресторане или дома у меня выпиваем, так он мне все подливает, а себе поменьше. То ли у него со здоровьем что, то ли Аллах не велит. А я, честно тебе признаюсь, когда выпью, сама себе, и то не нравлюсь. И поскандалить могу, и другое чего, а самое главное – ни черта после не помню.

Короче, все у нас с ним хорошо было, и я уже начала про свадьбу задумываться. И Реваз пообещал с мамой познакомить. Которая больная. Но пока суд да дело, пришли мы к какому-то его другу, тоже из этих, из нерусских, и выпила я лишку. Так это выпила, что вовсе отключилась. А потом прихожу в себя – Реваса моего нету, один друг его. И я в таком виде... сама понимаешь. А ничего не помню. Ну то есть ровным счетом ничего. И вдруг в дверь колотят, и врывается злющая такая баба. Надо понимать, что жена. И начинает орать, что Ахмет – сволочь и кобель (этого друга Ахметом звали, я вспомнила), и чуть только его на минутку оставишь, он уже непременно какую-нибудь шалаву приведет. Это она уже про меня. А я, если честно, и правда не помню – может, что и было у меня с этим Ахметом. Но на шалаву, понятное дело, обиделась и полезла с ней драться.

Но, видать, то ли я еще с похмелья в настоящую силу не пришла, то ли она, жена эта, не первый раз в таком деле, здорова оказалась драться. В общем, вытолкала она меня в чем есть на лестницу, и шмотки мои следом выкинула.

Я, понятное дело, расстроилась, пошла в рюмочную, где знакомая моя работала, Татьяна, и выпила еще немного. Самую малость. А потом домой к себе отправилась, в однокомнатную свою.

Только ключ сую в скважину, а он не подходит. Я сперва подумала, что руки спьяну трясутся, тыркалась-тыркалась, а потом через дверь мне говорят, чтобы проваливала подброду, пока они милицию не вызвали. Я уж решила, что по пьяному делу вообще квартиру перепутала. Отошла маленько, поглядела – нет, дверь точно моя, Стасик из РСУ ее из остатков от ремонта спортивной школы сделал... тут уж я начала шуметь да скандалить по полной программе. Я ведь тебе говорила – когда я выпью, очень становлюсь скандальная! А здесь тем более такое дело – в собственную квартиру не пускают!

Ну а эти-то, они говорят – уймись, а то правда милицию вызовем! Я говорю – вызывайте, так вас и разэтак, милиция вас самих из моей однокомнатной выкурит.

А они и впрямь вызвали.

Только все не так получилось, как я думала.

Милиция приехала, я говорю – в собственную квартиру не пускают, а эти документ показали, что я эту квартиру им честь по чести продала и деньги получила, в чем расписка имеется. Так что они в полном своем праве, а я получаюсь пьяная хулиганка. Менты меня увезли и пятнадцать суток впаили за милую душу.

А как я пятнадцать суток отсидела, так отправилась Реваса своего искать, чтоб помог мне в том деле разобраться и обратно квартиру свою заполучить.

И нашла его в одном ресторане, где он другую такую же дуру охмурял. Тоже все ей подливал. У меня прямо в глазах потемнело, не помню, что дальше было.

Очнулась опять в ментовке, на этот раз мне за пьяный дебош в ресторане три месяца впаляли. Там-то мне добрые люди все про этого Реваза рассказали, глаза раскрыли – у него бизнес такой, находит дур одиноких с жилплощадью, подпавает, а потом – раз, и бумага подписана! Нотариус у него свой, прикормленный, и в милиции друганы, так что ничего с ним не поделаешь...

В общем, запила я по-черному. Из РСУ меня, ясное дело, прогнали, жила месяца два у одного, звать Василий, в метро побирался, квасили с ним на пару, а потом ему по пьяному делу башку кирпичом проломили. Помоталась я по чердакам и подвалам, а после к Дню города милиция капитальную чистку устроила, и отправили меня сюда, на сто первый километр. Ну, здесь меня Николай под присмотр взял, в этот дом поселил, следил, чтоб сильно не пила... потом уж мы сошлись с ним. Если бы только не Анфиса – зажила бы я по-человечески... у тебя, кстати, нету чего?

– Чего? – сдуру переспросила Надежда.

– Сама, что ли, не понимаешь? – Люська взглянула на нее исподлобья. – Винца хоть какого... или наливки... или там настойки овса, на крайний случай...

– Откуда! – Надежда захлопала глазами и попятилась.

– Ну, нет так нет... – Люська затоптала окурочек и вздохнула. – Ладно, пойду я... суп у меня варится.

Ночью Надежда не сомкнула глаз.

В комнате у старухи было ужасно тесно и душно, подушка моментально нагрелась, простыня сбилась и уползла куда-то в ноги, а самое главное – Аглая Васильевна ужасно храпела.

Причем она храпела не тем ровным могучим храпом, к которому можно постепенно привыкнуть, как привыкают люди к звукам проезжающих за окном трамваев, к уличному шуму и даже, говорят, к грохоту Ниагарского водопада. Нет, она несколько минут спала тихо и спокойно, как младенец, так что Надежда уже и сама начинала задремывать, как вдруг старуха резко всхрапывала, издавая такой звук, какой издает бензопила, наткнувшись на гвоздь или на проволоку. Надежду подбрасывало на кровати, она несколько секунд испуганно таращилась в темноту, пытаясь понять, что произошло. Тем временем Аглая Васильевна переворачивалась на другой бок и снова засыпала.

Так повторялось не меньше десяти раз, и, когда на улице окончательно рассвело, Надежда поняла, что выспаться ей уже не удастся.

Встала она измученная, с головной болью и мешками под глазами.

Разглядев свое отражение в мутном старухином зеркале, она тяжело вздохнула и проговорила вполголоса:

– А говорят, что в деревне сказочный сон! Нет, еще одну такую ночь я не переживу!

На улице уже копошилась Люська. Увидев бледную, невыспавшуюся Надежду, она усмехнулась:

– А говорила, что у тебя нет ничего! Выглядишь, подруга, как с крутого перепоя!

– Да спала плохо... – пожаловалась Надежда, – Аглая Васильевна ужасно храпит...

– Так перебирайся в ту комнатку, что наверху, – посоветовала Люська. – Там жить можно, только обои поклеить надо. Я в прошлом году начала, и обои Николай привез, да расхотела что-то...

После завтрака Надежда вскарабкалась вверх по шаткой скрипучей лестнице. Там обнаружились два помещения. Слева от лестницы находился темный чулан с низким скошенным потолком, забитый всяким старьем – поношенными ватниками, протертыми до дыр пиджаками, прорванными резиновыми сапогами, керосиновыми лампами, довоенными фанерными

чемоданами, стопками пожелтевших газет и журналов. На самом видном месте красовался огромный керогаз – царь и повелитель любой довоенной кухни.

Справа же от лестницы была довольно симпатичная светлая комнатка с большим окном, из которого виднелись освещенные солнцем ели.

Здесь Надежде сразу понравилось. Правда, прежде чем перетаскивать сюда раскладушку, нужно было действительно доклеить обои. Одна стена была уже до половины оклеена простенькими обоями в веселый розовый цветочек, остальные же стены покрывал ровный слой аккуратно наклеенных газет.

Тут же в углу были свалены нераспечатанные рулоны обоев. Не хватало только клея, но Надежда видела в кухонном шкафу Аглаи Васильевны большой пакет крахмала, так что сварить клейстер не составило бы труда.

Она уже собралась приступить к работе, как вдруг ее взгляд случайно зацепился за броский заголовок на стене:

«Выборгский маньяк наносит новый удар».

Заметка была наклеена довольно высоко, и чтобы прочитать мелкий текст, Надежде пришлось притащить снизу табуретку и вскарабкаться на нее. Только тогда она смогла ознакомиться с сообщением.

«Вчера в поселке Васильки Выборгского района произошло новое леденящее душу преступление. Убийца, которого местные жители с легкой руки вашего собственного корреспондента уже окрестили Выборгским маньяком, совершил очередное убийство. Правоохранительные органы хранят молчание, но нам удалось выяснить, что на этот раз жертвой убийцы стал техник Васильковской птицефабрики Эрик Францевич Егер. Опытный мастер и любимец всего коллектива, Эрик Францевич не обзавелся семьей. Он жил один в бревенчатом доме на окраине поселка. Здесь и настигла его не знающая пощады рука убийцы. Нашел жертву коллега покойного слесарь-наладчик птицефабрики Виктор Лабуда. Мы сумели поговорить с очевидцем и записали для вас его безыскусные, но достоверные слова:

– Утром, значит, Эрик Францевич на работу не пришел, а у нас как раз фиговка закончилась, как есть полный коротыш. Без него, без Эрика-то, никак не сдюжить. Еще самая малость – и все встанет, одним словом, полные кранты. Меня начальник смены, Лев Михалыч, и послал за ним, за Эриком, значит. Я, значит, бегу, а сам это... недоумываю... то есть недоумеваю: за все время такого, значит, не было, чтоб Эрик Францевич на работу опоздал. Даже на самую малость. Не иначе – заболел. Прибегаю я, значит, к его дому, в дверь стучу, а он – ни гугу. Ну, я на всякий случай дверь толкнул, она и открылась. Вхожу, значит, окликаю из сеней – Эрик, говорю, ты тут? А он опять молчит. Я в комнату... тут его и увидел. Лежит в кровати, весь белый, а в горле, прямо, значит, под подбородком, вот такую дырку... и все, значит, кровью залито...

Итак, дорогие читатели, по словам свидетеля, убийство совершено тем же кошмарным способом, что и первые два, так что мы с несомненностью узнаем почерк Выборгского маньяка. Он снова пронзил горло жертвы неизвестным остро заточенным инструментом, что привело к мучительной смерти.

Когда же прекратятся его кровавые злодеяния? Когда им будет положен конец? Когда наши граждане, простые сельские жители и рядовые дачники, местные и приезжие из города смогут спокойно и без страха ходить по улицам и по прекрасным лесам нашего живописного района?

В любом случае наша газета в моем лице будет держать вас в курсе событий».

Внизу заметки стояла дата – ровно пять лет назад – и подпись – П. Карельский.

Несомненно, это был псевдоним бойкого журналиста.

Надежда слезла с табуретки, уселась на нее и перевела дыхание.

У нее перед глазами снова встала фотография из планшета участкового. Мертвое лицо, страшная рана под подбородком. Неужели тот человек пал жертвой Выборгского маньяка, который опять вышел на охоту? Не зря участковый смотрел так мрачно... Но как же те двое, которые следили за ним в метро? Как же смуглый мужчина, которого Надежда видела на перроне?

Что бы ни говорили о маньяках и серийных убийцах, одно в них неизменно: они действуют в одиночку. Маньяк с помощницей – это уже не маньяк. Это уже хладнокровный убийца, совершающий преступление не под влиянием безумия, не под действием луны, или неудачного расположения звезд, или воспоминаний о том, как жестоко обошлась с ним в детстве бабушка, а по одной из классических причин. Причин для убийства Надежда знала всего несколько, вообще-то всего три: деньги, ревность, страх. Чаще всего – первая: деньги.

Надежда поднялась с табуретки и принялась внимательно разглядывать стены в поисках других заметок П. Карельского – ведь он пишет, что убийство техника Егера не первое, значит, где-то должны быть еще сообщения.

Вскоре она действительно нашла заметку на ту же тему. На этот раз нужная газета была наклеена в самом низу стены, так что Надежде, вместо того чтобы влезть на шаткую табуретку, пришлось опуститься на колени.

Заголовок гласил:

«Новое злодеяние Выборгского маньяка».

«Мы обещали держать наших читателей в курсе событий, связанных с поисками знаменитого Выборгского маньяка. В глубине души мы надеялись, что следующая корреспонденция будет озаглавлена «Маньяк обезврежен». Увы, этого не произошло. Более того, вчера это злобное чудовище, этот зверь в человеческом облике совершил еще одно преступление. На этот раз его жертвой стал тракторист Петр Самокруткин. Петр закончил свой рабочий день, зашел с друзьями в известное всем жителям поселка заведение «Василек», чтобы выпить кружку пива. Он не знал, что эта кружка будет последней в его короткой жизни... выйдя из «Василька», Петр распрощался со своими друзьями и свернул в проулок, который вел к его дому. Там, в этом проулке, и нашла его через полчаса соседка Марья Федоровна Булкина. Увиденное произвело на нее такое сильное впечатление, что Марья Федоровна практически лишилась дара речи, так что мы не смогли взять у нее интервью. Одно только достоверно известно: Петр Самокруткин убит тем же изуверским способом, что и предыдущие четыре жертвы Выборгского маньяка»...

Надежда Николаевна оторвалась от чтения. Четыре жертвы! Значит, несчастный выпивоха Петр Самокруткин – это уже пятая жертва маньяка!

Она дочитала заметку до конца, но не нашла больше ничего нового: те же многословные сетования на вялость и нерезультативность следствия, те же обещания держать читателей в курсе и та же подпись внизу – П. Карельский.

Надежда хотела продолжить поиски остальных статей, когда услышала скрип лестницы и шаги поднимающегося по лестнице человека. Шаги были какие-то странные – очень тяжелые и неровные, как будто по лестнице поднимался какой-то хромой пират. После прочтения заметок о кошмарных убийствах ей невольно стало страшно. Она отступила от двери и на всякий случай вооружилась все той же табуреткой.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянула Люська.

– Ты чего это? – удивленно спросила она, увидев Надежду с табуреткой наперевес.

– Да так, – Надежда засмушалась своего испуга. – Видишь, на табуретку вставала... там на стенке статья про того маньяка, что здесь пять лет назад орудовал...

– А я-то думаю, что это ты вверх поднялась и пропала!

Люська наклонилась и прочитала заметку про пятое убийство. Точнее, прочитала она только заголовок и подпись, на остальной текст ее прилежности не хватило.

– П. Карельский! – оживилась она. – Это же Пашка Ячменный! Он мне по пьяному делу газетками своими хвастался, показывал – это, говорит, я П. Карельский. Такое, говорит, у меня... псевдомимо.

– Все у тебя по пьяному делу! – обиделась Надежда. – Корреспондент, приличный человек...

– Ой, я тебя умоляю! – Люська зашлась от смеха. – Тот еще выпивоха! С понедельника по пятницу не просыхает, а в субботу у него вообще запой. Его уж и в газету не пускают, только если что-то очень интересное откопает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.